

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-11-6

УДК 821.512.145

ФОРМЫ И ПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО В РАССКАЗАХ З. ХАКИМА

Макарова В.Ф.

В статье рассматривается комический компонент в татарском рассказе 1980-х годов на материале анализа рассказов молодого прозаика Зульфата Хакима. Отмечается, что комическое в рассказах З.Хакима отличается философичностью. Анализ рассказов позволяет наблюдать за трансформацией традиционно «бытовых» конфликтов в гротесковую модель действительности. В рассказах точки изменения сюжетных коллизий становятся точкой смены форм смеха: юмор превращается в сатиру или сарказм, даже иронию. Ирония смешивается с драматическими и трагическими мотивами.

Интересны наблюдения над функционированием в творчестве писателя таких приемов, как пастиш, фантастика, алогизм, аллегория и т.д. В частности, на материале анализа рассказа «Борьба на Тихом океане» выявляются такие приемы, как игра с мифом о героической борьбе человека с природой, воссоздание гротесковой модели действительности, типизация характеров. В результате умелого использования подобных художественных приемов комические рассказы превращаются в метатексты о человеческой сущности вообще.

Ключевые слова: татарский рассказ, философичность, гротеск, ирония, мифологизация, инвектива.

THE FORMS AND METHODS OF THE COMIC IN STORIES BY

Z. KHAKIMOV

Makarova V.F.

The article discusses the comic part in the Tatar story of the 1980s on the material of the analysis of short stories by young novelist Zulfat Hakim. It is noted that the comic in stories by Z. Khakimov is different with philosophicity. Analysis of the stories allows us to observe the transformation of traditional "household" conflicts into the grotesque model of the reality. In the stories the points of the changing plot collisions become the point of changing forms of laughter: humor becomes a satire or sarcasm, even irony. The irony is mixed with dramatic and tragic motives.

There are interesting observations of the functioning in the writer's works such approaches as pastiche, science fiction, illogic, allegory, etc. In particular, on the analysis material of the story "The struggle in the Pacific ocean" it is revealed techniques such as playing with the myth of the man's heroic struggle with nature, recreation of the grotesque model of the reality, typing of the characters. As a result of the skillful use of similar artistic techniques the comic stories become metatext about human nature in general.

Keywords: Tatar story, philosophic, grotesque, irony, mythology, invective.

Особое место в татарской смеховой прозе 1980-х гг. занимает творчество Зульфата Хакима (1960). В юмористических и сатирических рассказах молодого писателя комичность сопровождается философичностью, глубокими размышлениями общечеловеческого масштаба.

Рассказ «Борьба на Тихом океане» («Тын океанда көрәш», 1990) с первых предложений настраивает читателя на комическое восприятие ситуации: двое мужчин - Хаммат и Гата - оказались в океане на бревнах. Вдруг возникает шторм и между мужчинами, которые в конце концов связали свои бревна, на-

чинается борьба за «территорию». *Юмор* переходит в *сатиру*: автор подчеркивает, что принцип “каждый сам за себя” – не только не помогает, а мешает выжить. Даже появление надежды на спасение - корабля - не может остановить перебранку героев. В итоге они не успевают дать о себе знать. Сатира сменяется *иронией*, при помощи которой автор чрезвычайно расширяет смысл рассказа: Тихий океан начинает восприниматься как аллегорический образ. Скандальность человеческого поведения определяется как закон бытия. Подобная философия превращает *комическую ситуацию* в гротесковую модель жизни. Проза философской направленности, по мнению Г.Л.Нефагиной, «апеллирует к мифу, что понятно из самой установки поиска смысла существования человека, обретения гармонии в хаосе» [4, с.115, 157]. Используя распространенный в советской литературе миф о борьбе человека с Тихим океаном, пародируя его, писатель раскрывает низменную сущность человека вообще.

Основу многих рассказов З.Хакима составляют социальные проблемы повседневности конца XX века. Один из них – «Последствия телевидения» («Телевидение шаукымы», 1990) – также начинается с юмористического описания деревенских будней. Прошел слух, будто бы приезжает телевидение, и село меняется на глазах: все хотят показать себя с лучшей стороны. Но приезжих интересуют негативные явления быта, и они задумали сделать репортаж о деревенском пьянице Галимджане. *Сарказм* направлен на нездоровое желание людей стать героями киносюжетов: после этого случая вся деревня ушла в буйное пьянство (чтобы о них тоже снимали кино!). Один Галимджан перестал пить.

Узнав об этом, телевизионщики решают снять еще один сюжет о нем. В деревне начинается настоящая сумятица, избитый односельчанами Галимджан сбегает из деревни. Так рассказ раскрывает такие “нарывы” в обществе, как зависть, необразованность, пьянство. Рассказ доводит ситуацию до абсурда, используя фантастические вкрапления. Они подчеркивают философскую концепцию писателя.

Рассказ «Первая любовь» («Беренче мэхэббэт», 1989) интересен с точки

зрения смены видов комического по ходу развития сюжета: юмор превращается в *авторскую иронию*, та, в свою очередь, приводит к философскому осмыслению любви как способности противостоять бессмысленности бытия. В рассказе «Настоящая любовь» («Чын ярату», 1991) структурообразующим является прием *инвективы*. Этот прием применен и в рассказе «Письмо Нуруллы эмигранту Сунгатулле» («Нурулланың эмигрант Сөнгәтуллага язган хаты», 1989). Он написан в эпистолярной форме, как письмо красного партизана Нуруллы Мурзина с поздравлениями с 90-летием другу молодости Сунгатулле. Такие фразы, как: «Я тороплюсь тебе сообщить радостную весть: в России опять началась революция», «Как я понимаю, та была неправильная», «Вот сказали, что к 2000 году дадут квартиру - будем жить вдвоем. Ты, как белый офицер, будешь здесь в почете», «Оказывается, коллективизация тридцатых тоже была неправильной. Народ требует поставить памятник кулакам» [5, с. 326], — позволяют проследить изменения в представлениях людей в результате смены идеологии. Смысловые конструкции типа: «Вот ведь как получилось: друг оказался врагом, а враг - хорошим человеком» [5, с. 326], - подчеркивают *алогизм* происходящего. Многочисленные детали служат воссозданию условной картины перестроечной поры («Если это правда, то говорят, что тем, кто не ходит в мечеть, не будут давать талоны на мясо, сахар, стиральный порошок, мыло», «Если поступает товар, то штурмуют универмаги не хуже Зимнего дворца», «В Америке, наверное, есть и одеколоны для больных ног, не забудь купить для меня») и структурированы при помощи *алогизма*. В прозе З.Хакима, впервые в татарской комической прозе, появляется такая жанровая форма, как *пастииш*, с его помощью писатель высмеивает те иллюзии, которые укрепляются в сознаниях людей через средства масс-медиа.

Во многих рассказах З.Хакима реализуется жанровая стратегия *анекдота* с присущими ей закономерностями в построении сюжета, композиции, характеров персонажей, речевым строем. Так, в рассказе «Шифоньер» (1989-1990) ситуация любовного треугольника развивается как встреча мужа с любовником и

избиение мужа. В результате он уезжает из этого города, проходят годы: но боязнь шифоньеров не проходит. Халит обвиняет не жену, не себя, а шифоньер, и этот алогичный вывод укрепляется в его подсознании. В снах он постоянно видит шкафы, из них появляются мужчины. Просыпаясь в холодном поту, он радуется тому, что у него нет шифоньера. Так психоаналитический подход углубляет смешную ситуацию.

Особое место в творчестве З.Хакима занимают рассказы, основанные на аллегорической образности, сказочном типе условности. В рассказе «Отвращение» («Жирәнү», 1991) образы курицы и свиньи позволяют автору высветить такое свойство человеческой психологии, как умение замечать слабости других, не видя своих. Автор превращает эту черту психологии в объект *иронии*. В рассказе «Проклятие» («Каргыш», 1992) для выражения комического используется *фантастика*. Ситуацию в стране писатель проецирует на замкнутое пространство деревни. Смерть Жайлыгали становится границей между советской и постсоветской эпохой. Экзистенция автора возникает на грани двоемирия: реальной действительности и мистического, потустороннего мира. Тот же механизм смыслообразования действует в рассказе «Памятник» («Һэйкәл», 1989). Гротеск как принцип сатирического обобщения предполагает тенденциозную деформацию жизненного материала («Контра», 1989). Показав сущность культа личности, автор в конце рассказа показывает, как действительность принимает форму *буффонады*. Та же традиция продолжается в рассказе «Конец света» («Ахырзаман»). *Пародия* в рассказе «О конкурсах» («Конкурслар турында», 1992–1993) воссоздает мир конформизма, лжи.

Таким образом, многие комические рассказы Зульфата Хакима имеют синтетический характер и основаны на соединении сатирического и философского мировосприятия. В них преобладает *иронический пафос*, как и во многих произведениях авторов рубежа XX-XXI вв.

Размышляя о “спектрах иронического” в современной литературе, Н.С.Выгон указывает на то, что ирония приобретает характер мироотношения:

“Ироническое переосмысление готовых, «завершенных» истин выражает свободный, неавторитарный, концептуальный и личностный характер современного сознания, так как при помощи множества приемов субъективной оценки (*пародии, парадокса, сарказма, абсурда*, и др.) обнажает суть любого утверждения, испытывает его на прочность и способствует рождению нового, из прежних, уже не вмещающих изменившееся отношение человека и мира» [1, с. 55].

Таким образом, анализируя рассказы З.Хакима можно проследить трансформацию татарского комического рассказа в конце XX века. В конце 1980-х гг. активизируется *ирония*, используются такие элементы поэтики комического, как *пародия, аллегория*. В эпоху безверия возникает необходимость в применении *саркастической иронии*.

Многие приемы “эзопова языка”: использование анекдотичных ситуаций, гротесково-пародийных и условно-аллегорических форм, различных вариантов повторов, фантастических, сказочных, психоаналитических вкраплений и т.д. – были направлены на критику всей системы командно-административного руководства, выставляли на обозрение целую галерею приспособленцев, подхалимов, карьеристов, демагогов и т.п., рожденных тоталитарной системой.

В конце 1980-х татарская литература была поставлена в иные условия: возрождающиеся демократия, свобода слова сделали неактуальными подтекстовую сатиру [2, с. 35; 3, с. 58]. В сатирическом рассказе объектом обличения становятся порочные явления недавнего прошлого: отсталость, безнравственность, бездуховность, застойные процессы. Комический эффект возникает, в основном, как результат несоответствия между сущностью персонажей и тем, что они говорят и думают о себе, и способствует осмыслению актуальных явлений социальной действительности.

Углублению комического содержания в произведениях З.Хакима в конце 1980-х гг. служит обогащение рассказов философскими обобщениями, касающимися сущности человека вообще и общечеловеческих вопросов бытия. Философичность сопровождается активизировавшимися приемами *гротеска, па-*

родокса, аллюзий, псевдоцитат, стилизации, мистификаций, пастиша, которые проходят через всю стилевую ткань произведения.

Список литературы

1. Выгон Н.С. Парадигма комического в современной литературе // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.). СПб.: С.-Петербург. Гос.ун-т; М.: Академия, 2005. С.55.
2. Магсумов Т.А. Современное состояние историко-педагогических исследований // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5. С. 35-35.
3. Магсумов Т.А., Корнилова И.В. Традиции изучения географии, истории и культуры Прикамского края // Приволжский научный вестник. 2013. № 6. С. 57-61.
4. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: Учеб.пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. С.115, 157.
5. Хәким З. Сайланма әсәрләр. 3 томда. Т.2: повестьлар, хикәяләр. Казан: Татар.кит.нәшр., 1997. С.326.

References

1. Modern Russian literature (1990s - beginning of XXI century) [*Sovremennaja russkaja literatura (1990-e gg. – nachalo XXI v.)*]. SPb.: S.-Peterb. Gos.un-t; M.: Akademija, 2005. P.55.
2. Magsumov T.A. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal)*, no. 5 (2013): 35-35.
3. Magsumov T.A., Kornilova I.V. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, no. 6 (2013): 57-61.
4. Nefagina G.L. *Russkaja proza konca XX veka: Ucheb.posobie* [Russian prose of the end of XX century: Tutorial]. M: Flinta: Nauka, 2003. P.115, 157
5. Hakim S. *Izbrannye proizvedenija. V 3 tomah* [Selected works. In 3 vol-

umes] Kazan, 1997. P. 326.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Макарова Венера Файзиевна, кандидат филологических наук, доцент,
кафедра татарского языка и литературы и методики преподавания

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов

ул. Низаметдинова, д. 28, г. Набережные Челны, 423806, Россия

e-mail: makarova_vf@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Makarova Venera Faizievna, candidate of philological science, associate professor
Tatar language and literature department

Naberezhnie Chelny Institute of Social and Pedagogical Technologies and Resources

ul. Nisametdinova, 28, Naberezhnie Chelny, 423806, Russia

e-mail: makarova_vf@mail.ru

Рецензент:

Магсумов Т.А., член редколлегии журнала, доцент кафедры истории, кандидат
исторических наук, доцент, Набережночелнинский институт социально-
педагогических технологий и ресурсов